

Махтаровъ.

ПРОЛЕТАРИАТЪ

И

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ

ПЕТЕРБУРГА.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ.

Цѣна 1 руб. сер.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

ночлежники принялись за ёду. На другой день ночлежники встали поздно. Смотритель едва поднялъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ побрели «къ бакамъ», на скотопронный дворъ, гдѣ устроена народная столовая для бѣдныхъ. Кто не можетъ заплатить «пяточекъ» за обѣдъ, тотъ получаетъ обѣдъ даромъ... Ночлежники и здѣсь не упустили своего...

Татаринъ-халатникъ.

Кто не видалъ юркаго «князя», расхаживающаго и въ центрѣ, и по окраинамъ Петербурга? Въ долгополомъ азіатскомъ кафтанѣ съ длинными рукавами, подпоясанный краснымъ кушакомъ, въ мѣховой шапкѣ, изъ-подъ которой выглядываетъ татарская тюбитэйка, съ котомкой за плечами—ходитъ онъ изъ одного двора въ другой. Поднявъ голову, озирая окна верхнихъ этажей, онъ кричитъ на весь дворъ:

— Халать, халать! Старыя вещи продавать!

Но вотъ гдѣ-то въ пятомъ этажѣ открылась форточка, высунулось чье-то лицо, и раздался голосъ:

— Эй, князь, поди сюда!

— Князь побрель по «черной лѣстницѣ», въ пятый этажъ. А тамъ въ ожиданіи татарина, и двери отперты настезь.

— Не купишь-ли поношенный сюртукъ, старыя сапоги, шляпу?

Князь внимательно осматривает предлагаемыя вещи, поглядѣвъ изнанку сюртука, попробовалъ оторвать подошвы у сапогъ...

— Что съ тебя взять-то! Красненькую за все!..

— Дорого, барыня! Дорого...

— Ну, много-ли?

— Полтора рубли—довольно будетъ!..

— Что ты? Сюртукъ-то, вѣдь, почти новый!..

— Былъ новый, а теперь вывороченный...

— Говори крайнюю цѣну!..

— Два рубли—последняя цѣна!..

Долго торговался татаринъ и наконецъ, скупилъ всѣ вещи за безцѣнокъ...

Петербургскіе татары прибыли въ столицу съ береговъ Волги: изъ симбирской, пензенской, нижегородской и казанской губерній.

Татаринъ-торговецъ существуетъ двухъ родовъ: халатникъ и разносчикъ краснаго галантерейнаго товара. Татаринъ-халатникъ торгуетъ старымъ платьемъ—скупаетъ всякое старье и сбываетъ его на толкучемъ рынкѣ. Посѣщаетъ татаринъ и „судныя кассы подъ залогъ вещей“, скупаетъ тамъ у еврея просроченныя вещи и тоже несетъ ихъ на толкучку.

День-деньской татаринъ-халатникъ слоняется по Петербургу и къ вечеру возвращается домой—съ ношею за плечами. Не столько онъ продалъ халатовъ, сколько накупилъ всякаго старья. И чего-чего у него только нѣтъ. Самое пылкое воображеніе не въ состояніи соединить вмѣстѣ всѣхъ тѣхъ разныхъ вещей и предметовъ, какіе, подчасъ, видишь у татарина въ рукахъ: гитара

съ оборванными струнами, поношенный офицерскій мундиръ, мѣдный подсвѣчникъ, покрытый зеленью, старые сапоги, модный франтовской цилиндръ и т. п.

Татаринъ-разносчикъ мануфактурнаго краснаго товара представляетъ собою ходячую лавочку. Его товары—ситцевые платки, шерстяные шарфы, ремни и кушаки—отличаются яркими пестрыми цвѣтами, что, какъ извѣстно, любить нашъ простой народъ. Являясь въ окрестныя захолустья, на примѣръ, на дачу, князь хорошо понимаетъ, что его ходячая лавочка представляетъ собою цѣлый „гостиный дворъ“, и потому за свой незатѣйливый товаръ назначаетъ цѣну по совѣсти, руководствуясь принципомъ, что-де „за моремъ телушка—полушка, да рубль—перевозъ“.

— Князь, покажи-ка платки-то!

— Изволь, барышня!.. Какихъ вамъ? Подешевле, или подороже?

— Самыхъ лучшихъ!

— Вотъ самые лучшіе... съ картинками...

— А нѣтъ-ли у тебя—„по нѣтовой землѣ, да небывалыми цвѣтами!“...

— Есть, какъ не быть...

— Какіе это платки?

— Московскіе!..

— Поди-ка, линяютъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ... только воды боятся!.. Мы говоримъ правду, не любимъ обманывать!..

— Этоть, что стоитъ?

— Полтина только! За даромъ отдаю...

Заходятъ татары и въ петербургскія портерныя и

трактиры, продавая здѣсь казанское мыло и духи—посѣтителямъ, прохлаждающимся за кружкой пива.

Татары въ Петербургѣ живутъ артелями, человекъ отъ 10 до 30. Артель и староста зорко слѣдятъ другъ за другомъ: въ квартирѣ строго воспрещено не только являться пьянымъ, что возбраняется и кораномъ, но даже и курить. Если артель замѣтитъ, что одинъ изъ товарищей пришелъ пьянымъ, то на первый разъ дѣлаютъ ему словесное внушеніе. На второй разъ виновнаго связываютъ и кулаками задаютъ ему болѣе осязательное наставленіе, а въ третій разъ „заблудшую овцу“ выгоняютъ изъ артели. Татары сильны коммунальнымъ началомъ: если они, напримѣръ, узнаютъ, что какой-нибудь ихъ товарищъ торгуетъ „на шею“ т. е. въ убытокъ себѣ, и если онъ не находитъ подходящаго мѣста, то артель посредствомъ складчины сама высылаетъ его на родину. Нищіе изъ татаръ въ Петербургѣ никогда не бываютъ.

Столичный Толкучій рынокъ представляетъ главную арену дѣятельности для татарина—старьевщика. Еже-недѣльно, по воскресеньямъ, на Толкучемъ рынкѣ бываетъ такъ называемый развалъ, куда собираются тряпичники и татары халатники со всего Петербурга. Въ это время фигурируетъ, главнымъ образомъ „голь-перекатная“ со всей столицы. Мастеровой и фабричный народъ, свободный отъ работъ, слѣзаетъ на „развалъ“ за покупками дешеваго товара. Торгъ начинается рано утромъ, ни свѣтъ, ни заря. Суতোлка бываетъ страшная.

Вѣднѣкъ, войдя на Толкучій рынокъ, можетъ одѣться съ ногъ до головы за какихъ-нибудь 5 рублей: и

дешево, и сердито. Мало того, вся экиперовка, кромѣ сапогъ, будетъ новая, точно сей-часъ съ иголки. Тутъ можно купить и „жениховскую мѣховую шапку“, и немного поношенные брюки съ потертыми на колѣняхъ, и вывороченную „пару“ и почти новые сапоги, щедро вымазанные дегтемъ!

— Послѣ тряпичниковъ, первенствующая роль на Толкучкѣ принадлежитъ татарамъ-халатникамъ, стоящимъ на такъ называемой «татарской площадкѣ», находящейся внутри Александровскаго рынка.

Въ лавкахъ, окружающихъ «татарскую площадку», торгуютъ разнымъ домашнимъ скарбомъ, начиная отъ матрасовъ и подушекъ и кончая старымъ платьемъ, подержанной мебелью и даже каретами... Около каждой лавочки, у дверей, загроможденныхъ разнымъ старьемъ, стоятъ приказчики-крикуны, которые заманиваютъ къ себѣ покупателя.

— Эй, господинъ, пожалуйте къ намъ!

— Сапогъ не угодно-ли вамъ?...

— Пальто не требуется-ли?...

— Заверните къ намъ: у насъ дешевле!..

— Сударыня, кровати, матрасы не надо-ли вамъ? Зайдите, останетесь довольны!..

— А вотъ пальто «случайное» продается! Купите—случайное: подешевле отдамъ!..

— Тутъ-же, въ особыхъ маленькихъ лавочкахъ, еврейки торгуютъ «бальными платьями», доставшимися имъ отъ прокутившихся господъ.

Къ еврейкамъ понавѣдываются «кукольные швей» для

закупки бархату и шелку—на отдѣлку хорошихъ дорогихъ куколъ.

Выдержавъ перекрестный огонь отъ назойливыхъ приказчиковъ, вы, наконецъ, пробираетесь на «татарскую площадку». Здѣсь—шумъ, крикъ разношерстной толпы, которая медленно движется, увлекаемая общимъ теченіемъ. Для безопасности слѣдуетъ опустить руки въ карманъ, чтобы тутъ не заблудились случайно чьи-нибудь постороннія руки.

Группа татаръ въ ихъ національныхъ шапкахъ выстроились рядами, въ видѣ каре. Снаружи этого четверугольника и движется главнымъ образомъ толпа. Передъ каждымъ татаринномъ, на землѣ, лежитъ куча старья: шапки, сарафаны, юбки, сапоги, кафтаны и многое множество другихъ предметовъ обыденной жизни, собранныхъ сюда точно послѣ сильнаго пожара въ большомъ городѣ. У одного татарина накинута на плечи подержанная енотовая шуба, вынесенная тоже для продажи; у другого на головѣ надѣто нѣсколько шапокъ...

Поминутно слышатся возгласы, обращенные къ татарамъ.

— Князь, продай!..

— Князь, что стоитъ?

— Князь, Бога ты не боишься?

— Князь, много-ли просишь за сапоги-то?

— Рубль—пѣлковый!..

— Дорогонько!..

— Купи! Хороши сапоги—козловые, со скрипомъ..

Самъ-бы носиль, да деньги нужны!..

— Ну-ка, дай-ка, примѣрю!..

— Какъ разъ!.. Точно на тебя шиты!..

— А брюки почему?

— За все синюю бумажку!..

— Возьми зелененькую!.. Брюки-то, вѣдь, старыя!..

Уступи князь!..

— Были старыя, а теперь за новыя пойдуть!..

Покупатель-мастеровой выворотилъ брюки на изнанку и торжественно поднесъ ихъ татарину почти подъ самый носъ.

— А это что? Смотри, князь,—во!..

— Что... ничего!.. Брюки!..

— Рѣшето, а не брюки!..

— Брюки—хороши, хороши!..

— Хороши, только починить надо!.. Зелененькую, такъ и быть, князь!..

— Нѣтъ, нѣтъ!..

Татары стойко держатъ свою цѣну, по временамъ отпуская остроты, нерѣдко сопровождаемыя энергическимъ «крѣпкимъ подтвержденіемъ».

Простой народъ покупаетъ у «князя» то брюки—въ три рубля, то зимнее пальто—въ пять рублей. Попадаетъ здѣсь и енотовая шуба, и фрачная пара, и другія принадлежности лучшихъ условій жизни. Все это такъ недавно было свидѣтелемъ хорошей жизни, но нужда не свой братъ, и пришлось за грошъ спустить татарину. Такимъ образомъ, «порфира и виссонъ», поистрепавшись, съ барскаго плеча идутъ на покрытіе наготы столичныхъ бѣдняковъ, и это перемѣщеніе платья съ одного плеча на другое происходитъ при посредствѣ услужливаго татарина.

Богатые татары промышляют на Петербургскихъ аукціонахъ, и занимають здѣсь видное мѣсто.

Какъ извѣстно, «частный ломбардъ» и «общество для заклада движимыхъ имуществъ» имѣють, между прочимъ, нѣсколько аукціонныхъ залъ, гдѣ производится продажа просроченныхъ и невыкупленныхъ вещей съ публичнаго торга.

При отдѣленіяхъ аукціонная продажа бываетъ два, три раза въ недѣлю.

Кромѣ того, имѣются спеціальныя аукціонныя залы, въ которыхъ продажа просроченныхъ вещей производится ежедневно.

Щегольской балльный фракъ, заложенный «въ минуту жизни трудную» въ частный ломбардъ, или золотые часы, отданные «на сохраненіе» туда-же, — испытываютъ слѣдующую горькую участь; если они не были вовремя выкуплены.

Прежде всего они идутъ въ продажу съ аукціона по оцѣночной стоимости.

Аукціонъ производится при непосредственномъ участіи «присяжнаго оцѣнщика» отъ города, который контролируетъ добросовѣстность ломбарда. Если вещь не была продана на двухъ аукціонахъ, то она поступаетъ въ собственность ломбарда, который распоряжается ею по своему усмотрѣнію.

Сдѣлавшись обладателемъ вещи, ломбардъ или продаетъ ее въ своемъ собственномъ магазинѣ, или-же снова пускаетъ ее на аукціонъ—«съ предложенной цѣны».

Ломбардъ принимаетъ для заклада всякія вещи и предметы, «кромѣ жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ». Въ ма-

газинѣ ломбарда можно купить «по сходной цѣнѣ» и картины, и музыкальные инструменты, и бронзу, и золотыя и серебряныя вещи, и одежды, и полотна, и мѣховыя товары, красныя товары и т. д.

Въ особеннѣности — большой выборъ готоваго платья. Прогулявшійся и промотавшійся Петербургъ снесъ въ ломбардъ все, что возможно заложить — вплоть до балънаго и «стамесовой юбки».

Самая наименьшая ссуда — два рубля.

Множество вещей возвращаютъ принесимъ ихъ бѣднякамъ обратно, за малоцѣнностію; за нихъ не выдается никакой ссуды, даже 1 рубль.

Въ магазинахъ ломбарда можно наблюдать интересные типы покупателей и покупательницъ, желающихъ приобрести по дешевой цѣнѣ какую-нибудь драповую тальму или пальто съ чужаго плеча.

Вотъ, напримѣръ, чиновникъ съ Петербургской стороны привелъ сюда своихъ двухъ дочерей, купить каждой по пальто. Съ вѣшалки имъ то и дѣло подають пальто. Въ сотый разъ онѣ примѣриваютъ на себѣ, смотрятъ въ большое зеркало — и пальто оказывается «Тришкинымъ кафтаномъ»: то въ тальѣ узко, то въ плечахъ широко, то въ подолѣ коротко. Бѣдняжки уже устали, а не хотятъ уйти съ пустыми руками.

Вонъ гимназистъ, быть можетъ, будущій Ломоносовъ, тоже отыскиваетъ себѣ пальто въ пору.

Приходятъ сюда покупатели и съ Александровскаго рынка.

Если въ магазинахъ ломбарда покупателями бываетъ

сама публика, зато на аукціонахъ первенствующую роль играютъ татары и маклаки.

Вы входите въ довольно обширное зало. Посреди эстрады навалены цѣлыя груды разной одежды, поношеннаго платья. Впереди разставлены параллельными рядами скамейки. На стѣнахъ навѣшаны таблицы съ обозначеніемъ №№ просроченныхъ вещей и съ обозначеніемъ правилъ аукціона.

Скамейки заняты многочисленной публикой. Преобладаютъ преимущественно хищные типы, торговцы, маклаки, евреи и татары.

Татары сидятъ отдѣльно отъ другихъ и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Передъ вами — цѣлый цвѣтникъ татарскихъ тюбитеекъ: и малиновыхъ, и желтыхъ, и красныхъ, и зеленыхъ, и бархатныхъ, и простыхъ, и шитыхъ золотомъ. Всѣ татары хорошо упитаны. Очевидно, покупка вещей на аукціонахъ и перепродажа идетъ имъ въ прокъ. У многихъ на лицахъ — плутовская, хитрая улыбка. У нѣкоторыхъ татаръ въ рукахъ и на скамьѣ — цѣлый ворохъ благопріобрѣтенныхъ вещей. Среди шума и гвалта слышенъ татарскій говоръ.

Продажа золотыхъ и серебряныхъ вещей только-что кончилась. Бриллиантики и золотыхъ дѣлъ мастера ушли. Теперь приступили къ продажѣ такъ называемаго краснаго товара и одежды.

Аукціонщикъ то и дѣло выкрикивалъ названіе продаваемой вещи.

— Продается драповое пальто мужское, съ предложенной цѣны!..

— Рубль! — слышится чей-то голосъ.

— Гривенникъ — кричитьъ кто-то.

— Пятакъ!

— Рубль пятнадцать копѣекъ! Кто больше? — спрашиваетъ аукціонщикъ.

Пятакъ! — раздается чей-то голосъ.

— Такъ!.. Такъ!.. — вторять все новые и новые голоса. Причемъ *такъ* есть не что иное, какъ сокращенное «пятакъ».

Вы то и дѣло слышите перестрѣлку: то тутъ, то тамъ набавляютъ пятакъ. Долго продолжалась эта перестрѣлка, и цѣна вещи понемногу подымалась въ гору... Такъ!.. Такъ!..

— Кто больше? — окликнулъ аукціонщикъ и ударилъ молоткомъ.

— Разъ! Кто больше? Никто?

Вдругъ среди всеобщей тишины, со стороны татаръ раздался чей-то голосъ — громкій, словно іерихонская труба.

— Полтынный!.. — крикнулъ одинъ изъ татаръ.

— Пятакъ! Такъ!.. Снова возгорѣлась перестрѣлка, и когда она немного поутихла, снова раздался знакомый грубый голосъ татарина, съ восточнымъ акцентомъ:

— Полтынный!.. — побѣдоносно выкрикиваетъ татаринъ.

— Никто больше?

Воцарилась тишина.

— Тайбулинъ! вещь за тобой!..

Рослый, толстый татаринъ, въ бархатной тюбитейкѣ, полѣзъ въ бумажникъ, а ему въ это время принесли съ эстрады драповое пальто.

Передъ началомъ аукціона, каждая вещь тщательно осматривается маклаками и татарами. Подобно тому, какъ естествоиспытатель изслѣдуетъ въ лупу какое-нибудь насѣкомое, такъ точно татары разсматриваютъ на аукціонѣ полотно, шелковыя ткани, одежду и проч. Купленные вещи они перепродаютъ съ хорошимъ барышомъ.

Этимъ дѣломъ занимаются исключительно нижегородскіе татары.

— Куда вы сбываете вещи?

— Въ Александровскій рынокъ продаемъ!

— И больше нигуда?

— Въ провинцію отправляемъ! Въ Новгородъ, въ Псковъ!..

— А на Нижегородскую ярмарку петербургская одежда идетъ?

— Какъ-же! Идетъ! Наши на ярмаркѣ петербургскимъ старьемъ торгуютъ!

— Гдѣ-же именно?

— А тамъ есть «Ярославскій рядъ!» — одежей торгуютъ...

— Много отправляете?

— На десятки тысячъ!

Долго еще продолжался аукціонъ. На этотъ день пущено было въ продажу 500 номеровъ, преимущественно одежды. Большинство №№ были куплены татарами. По окончаніи аукціона, когда всѣ уже расходились, одинъ изъ татаръ съ самодовольной улыбкой разсматривалъ пріобрѣтенныя вещи, стоя у окна.

— А что, князь, дешево купилъ?..

На аукціонѣ бываютъ почти всегда одни и тѣ-же покупатели — маклаки и татары.

Фамиліи каждаго изъ нихъ извѣстны аукціонщикамъ.

Въ столицѣ насчитывается до 10,000 татаръ. Живя вдали отъ родины, татары, однако-жь, крѣпко держатся религіи и обычаевъ своихъ предковъ и не смѣшиваются съ другими элементами столичнаго населенія. Такъ въ Петербургѣ они имѣютъ свои молельни, конебойни и мясныя лавки.

На конебойнѣ ежегодно убивается 7,000 лошадей. Татары имѣютъ 4 мясныхъ лавки. При входѣ въ татарскую мясную лавку вы замѣтите надъ дверями прибитую вывѣску, на которой нарисованъ конь вмѣсто нашего быка. На вывѣскѣ надпись: «Торговля мясомъ изъ татарской общественной конебойни». Отборная вырѣзка конины для бифштекса стоитъ 8—10 копѣекъ за одинъ фунтъ.

Лошадей для убоя татары покупаютъ на «Конной площади», гдѣ бываетъ торгъ лошадьми. Многочисленные барышники снуютъ около своихъ лошадей, расхваливая прекрасныя качества ихъ! Обыкновенно, каждый покупатель тщательно осматриваетъ у лошади зубы, ощупываетъ мышцы, треплетъ лошадь по шеѣ, тянетъ за хвостъ.

На Конной площади продаютъ и старыхъ, заѣзжанныхъ лошадей, негодныхъ болѣе для работы. Этихъ россиантовъ покупаютъ татары, но только никому уже не перепродаютъ, а оставляютъ для себя—на потребу, на убой.

Тридцать отборныхъ клячъ уныло стояли, повѣсивъ головы. Казалось, если они тронутся съ мѣста, то загре-

мять своими костями. Подъѣзжаетъ какой-то чухонецъ на малорослой лошадекѣ съ потертыми до крови боками и съ оттопыренными ребрами. Не слѣзая съ саней, чухонецъ начинаетъ торговаться съ татаринѡмъ.

— Князь, купи рысака!

— Продай!

— Много-ли дашь?

— Три рубля!..

— Мнѣ за нее шесть давали...

— Давали, да, видно, денежки не считали! Бойко отвѣтилъ татаринъ.

— Чухонецъ поѣхалъ дальше. Въ это время привели рослую вороную лошадь, черную, какъ воронъ. Нѣкогда это былъ «буцефалъ», а теперь отъ него остался только одинъ скелеть, изъ больной ноги сочилась кровь. Татары окружили лошадь, осмотрѣли больную ногу и начали говорить между собою по-татарски. Повидимому, происходило нѣчто въ родѣ консиліума.

— На убой! рѣшилъ одинъ изъ татаръ.

— Какъ цѣна?

— Пятнадцать рублей.

— Пять рублей!

— Пять съ полтиной!

— Шесть рублей!

Одинъ за другимъ татары начали набивать цѣну.

Съ приподнятой больной ногой бѣдное животное своимъ печальнымъ видомъ невольно вызывало къ себѣ участіе. Увидя большое стеченіе народа около хромой лошади, подошелъ къ ней и татаринъ-живодерьъ.

— Живодеръ идетъ! Живодеръ идетъ! произнесъ кто-то; толпа разступилась, давая дорогу.

Смотря на лошадь и опершись на свою длинную палку, живодеръ громко и отчетливо произнесъ:

— Кожа да кости!..

— Шесть съ полтиной!.. Цѣна шкуры...

Всѣ молчали.

— Никто—больше?

И лошадь осталась за нимъ.

Къ вечеру торгъ прекратился, и барышники—русскіе, татары, цыгане и чухны,—стали мало-по-малу разъѣзжаться. Лѣниво переступая ногами, тронулись и лошади, предназначенныя на убой.

— Ну, тругайтесь, на отдыхъ! крикнулъ татаринъ, хлестнувъ кнутомъ заморенныхъ клячь.

Татарскихъ молелень три: одна помѣщается на углу Николаевской улицы и Разъѣзжей, другая — на Лиговкѣ и третья — противъ Полицейскаго моста.

Соотвѣтственно этому, всѣ мусульмане, живущіе въ Петербургѣ, подраздѣляются на три прихода.

Первый приходъ — самый большой, къ нему причислено около 3,000 человекъ нижегородскихъ, симбирскихъ и пензенскихъ татаръ — халатниковъ, разнощиковъ, извощиковъ, дворниковъ.

Ко второму приходу причислены преимущественно касимовскіе татары: оффиціанты разныхъ петербургскихъ ресторановъ и буфетчики на станціяхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Всѣ буфеты по Николаевской желѣзной дорогѣ, вплоть

до самой Москвы, содержатся татарами; прислуга въ этихъ буфетахъ, оффиціанты и лакеи — тоже татары.

Весь этотъ лакействующій персоналъ причислень ко второму магометанскому приходу въ Петербургѣ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи подчиняется ахуну Атаулѣ Баязитову. Этотъ, такъ сказать, лакейскій приходъ самый богатый въ матеріальномъ отношеніи.

Наконецъ, въ Петербургѣ живетъ не мало татаръ, состоящихъ на государственной службѣ, на примѣръ, солдаты изъ татаръ.

Для нихъ учрежденъ особый «военный магометанскій приходъ».

Одна изъ самыхъ большихъ татарскихъ молельнь въ Петербургѣ помѣщается надъ трактиромъ — фактъ, вызывающій невольную улыбку.

Татары сами сознають это непріятное сосѣдство молельни съ трактиромъ, но мирятся съ этимъ неудобствомъ, потому что трудно найти большое помѣщеніе за такую, сравнительно, недорогую цѣну, какую они платять.

Каждую пятницу, ровно въ полдень, въ молельню собирается отъ 300 до 500 человекъ татаръ. Это все — старые наши знакомые, которыхъ мы каждый день видимъ на улицахъ: халатники, торговцы платками и казанскимъ мыломъ, дворники и т. п.

Нарядившись въ праздничные костюмы, татары, миновавъ трактиръ, поднимаются вверхъ, въ молельню. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты въ шелковые, пестрые халаты, на головѣ — бѣлая чалма: вѣрный признакъ, что «правовѣрный побывалъ въ Меккѣ и Мединѣ, на поклоненіе гробу Магомета».

Поднявшись наверхъ, на площадку лѣстницы, они снимаютъ калоши или валенки, и входятъ въ молельню.

Молельня представляетъ собою большое зало, съ невысокимъ потолкомъ. На полу постланы ковры! Въ переднемъ мѣстѣ, обращенномъ на югъ, стоитъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Здѣсь лежитъ алькоранъ — священная книга мусульманъ.

Каждый татаринъ, входя въ молельню, приноситъ съ собой коврикъ, который онъ разстилаетъ на полу, и становится на него самъ.

Богомольцы становятся въ молельнѣ параллельными рядами. Кто пришелъ раньше, тотъ занимаетъ свободное мѣсто въ первыхъ рядахъ; опоздавшіе стоятъ позади и не лѣзутъ впередъ, не толкаютъ своихъ товарищей. На стѣнахъ молельни нѣтъ никакихъ украшеній, если не считать нѣсколькихъ изреченій изъ корана, начертанныхъ золотыми буквами на арабскомъ языкѣ.

Большую часть времени, когда совершается богослуженіе, татары сидятъ, поджавши ноги — по восточному и нагнувши головы впередъ, на грудь, въ созерцательномъ настроеніи. Нѣкоторые изъ нихъ закрываютъ глаза.

Звуки трактирнаго органа слабо долетаютъ въ молельню...

Мулла одѣтъ въ бѣлую, какъ снѣгъ, чалму и въ пестрый шелковый халатъ.

Въ молельнѣ, среди всеобщей тишины и воздыханій, раздается заунывное, печальное пѣніе муллы: это онъ поетъ стихи изъ алькорана.

Всѣ татары сосредоточенно слушаютъ...

У кого нѣтъ чалмы, тѣ сидятъ въ шапкахъ. Входя

женщинамъ въ моленную безусловно воспрещается. Покорнымъ лицамъ, изъ русскихъ, входъ не возбраняется.

Группа петербургскихъ татаръ, «халатниковъ», въ своей моленной производитъ своеобразное впечатлѣніе. Воображеніе невольно переносится къ временамъ давно минувшимъ, къ временамъ Куликовской битвы, когда, по выраженію Карамзина, «индѣ татары тѣснили россіянъ, индѣ россіяне тѣснили татаръ».

Кончилась молитва и татары стали расходиться. При выходѣ изъ моленной, на лѣстницѣ, стояло нѣсколько татарскихъ мальчишекъ, нищихъ, которые плаксивыми жалобными голосами выпрашивали у «правовѣрныхъ» милостыню. Татары, что побогаче, охотно подавали.

Гражданскіе «ахуны» избираются на этотъ постъ самими татарами; они же платятъ имъ и жалованье. На наемъ приходской моленной и содержаніе ахуна каждый татаринъ уплачиваетъ по 20 копѣекъ въ 1 мѣсяцъ. Богатые татары жертвуютъ больше, смотря по усердію.

Разъ въ мѣсяцъ ахунъ обходитъ квартиры «правовѣрныхъ», собирая съ нихъ добротную лепту.

Въ административномъ отношеніи, ахуны подчиняются оренбургскому муфтію, который экзаменуетъ ихъ и утверждаетъ въ соотвѣтствующихъ должностяхъ.

Татары давно уже хлопчатъ объ устройствѣ въ Петербургѣ своей собственной мечети. Устройство мечети разрѣшено имъ.

Съ 1882 года между татарами производится сборъ денегъ—на мечеть. До сихъ поръ собрано 20,000 рублей.

Татарскій ахунъ совершаетъ и разныя «требы», на-примѣръ, обрядъ бракосочетанія. По словамъ ахуна, въ Петербургѣ большинство татаръ—холостые; рѣдкій изъ нихъ женатый. Кто имѣетъ двѣ жены, тотъ одну изъ нихъ оставляетъ на родинѣ, чтобы она смотрѣла за хозяйствомъ, а другую беретъ съ собою въ Петербургъ. Въ Петербургѣ двухъ жень не держать почти ни одинъ татаринъ, потому-что и одну жену прокормить тяжело.

Татарской школы въ Петербургѣ нѣтъ, а магометанскій ахунъ обучаетъ татарскихъ ребятишекъ и грамотѣ.

Книги, молитвенники и алькоранъ печатаются или въ типографіи при академіи наукъ, которая, какъ извѣстно, имѣетъ восточные шрифты, или при университетской типографіи въ Казани.

Лакейскій приходъ представляетъ собою своего рода аристократію среди петербургскихъ татаръ.

Въ то время, какъ татаринъ-халатникъ трется преимущественно около бѣднаго столичнаго люда,— татаринъ-лакей имѣетъ дѣло съ богатою, состоятельною публикою.

Въ самыхъ людныхъ кухмистерскихъ и ресторанахъ столицы—прислуга состоитъ изъ татаръ. Они даже содержатъ татарскій трактиръ «Самаркандъ».

Являясь въ ресторанахъ въ качествѣ лакея, татаринъ облачается во фракъ и крахмальную рубашку, но и въ этой новой шкурѣ вы сразу отличите знакомаго татарина по его фізіономіи.

Буфетъ на Николаевскомъ вокзалѣ, гдѣ въ теченіи

дня перебиваетъ тысячи народа, содержится касимовскими татарами.

Здѣсь татары имѣютъ свои погреба и склады продуктовъ. Уплачивая около 10,000 руб. въ годъ администраціи желѣзной дороги аренды, татары-лакеи все-таки имѣютъ хорошіе барыши: шесть касимовскихъ деревень кормятся на эти деньги, собираемыя въ буфетѣ съ публички за «рюмку коньяку» или «порцію чаю».

Кромѣ того, бываетъ еще подачка «на чай». Должно быть, эти «чайныя» деньги очень велики, если у татаръ-лакеевъ имѣется общая кружка, куда опускаются только *полтинники*. Подачку-же меньше полтинника каждый лакей беретъ себѣ, какъ мелочь.

Разбогатѣвъ въ Петербургѣ, татары-лакеи не прибрѣтаютъ здѣсь дома и прочее недвижимое имущество, подобно другимъ; нѣтъ — все богатство, накопленное трудомъ и счастьемъ, они отправляютъ въ свой родной Касимовъ. Въ Петербургѣ нѣтъ ни одного татарина-домовладѣльца.

Они не питаютъ къ столицѣ особенныхъ симпатій и на свою жизнь здѣсь смотрятъ какъ на временное пребываніе ради заработка.

О х т я н к а.

Когда вы подъѣзжаете по Невѣ къ Петербургу, то съ правой стороны, при устьѣ рѣки Охты, замѣтите одну изъ старѣйшихъ столичныхъ окраинъ—Большую и Малую Охту.